

Straipsniai

**ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
КНИГОВЕДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ШКОЛ
ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

KRZYSZTOF MIGOŃ

Uniwersytet Wrocławski, Instytut Informacji Naukowej i Bibliotekoznawstwa
Pl. Uniwersytecki 9/13, 50-137 Wrocław, Poland
E-mail: kmigon@liber.ibi.uni.wroc.pl

Говорить о восточноевропейском книговедении в целом – задача сложная, ибо требует определения критерий, на основе которых можно представить важнейшие черты развития и статуса науки о книге в государствах Восточной Европы. Одновременно попытка такого рода целесообразна, потому что помогает раскрыть такие особенности развития книговедения, которые дают объяснение специфических признаков книговедения как науки в целом – значит в мировом масштабе.

Наука о книге как (относительно) самостоятельная научная дисциплина зародилась в Восточной Европе с начала XIX века. Выростала из библиографии и истории литературы, из издательского и библиотечного дела, книжной торговли, из библиофильского опыта, из образовательных и просветительных потребностей. Дальнейшее развитие книговедения наступило благодаря быстрому росту книжной продукции, институционализации и профессионализации книжного дела и всесторонним – научным, идейным, политическим, общественным – пользам вытекающим из исследований книжного мира.

Формировка теоретических основ Восточноевропейской библиологии произошла с начала под влиянием западных концепций, главным образом французских и немецких, но позже в Польше, в России, на Украине и в других

странах возникли новые идеи и выступили специфические для этой части Европы способы мышления о характере и задачах книговедения.

Прошедшее книжной культуры в восточной Европе, общий для различных стран исторический опыт, языковая и политическая ситуация, проток научных идей довели в значительной мере до унификации мнений о книге и книговедении. Одновременно разные в отдельных странах традиции исследований книги и книжного дела, политическое положение, неодинаковый потенциал научных сред и степень признания библиологии значительно дифференцировали исследовательские парадигмы, своеобразно строили главные задачи книговедения и дали основы для формирования всяческих научных школ, в том числе также национальных.

Понятие «национальной научной школы» ввёл в библиологию известный французский книговед Робер Эстиваль (Robert Estivals). В энциклопедии *Les sciences de l'écrit* написал в 1993 году о важнейших научных школах в мировом книговедении – французской, бельгийской, польской, российской, швейцарской (его порядок!); все они вместе представляют собой европейскую континентальную школу библиологии – в отличие от англо-американской [21, 265–266]. Существенная разница между ними – подход к взаимным отношениям библиографии и книговедения. Такая точка зрения – разумеется – упрощение, ибо с одной стороны признаков определяющих научные школы в книговедении значительно больше и с другой – энциклопедическое обобщение не охватывает богатства многих, оригинальных по сути дела, национальных школ, например немецкой, итальянской, испанской (и ибероамериканской), еврейской и др., не говоря уже о ближайших нам центрально- и восточноевропейских. Но самое понятие, самая исследовательская категория «национальных научных школ» интересна, плодотворна, разрешает выявить самое важное в развитии книговедения в отдельных государствах и определить вклад в науку в национальном и глобальном масштабах.

Пытаясь ответить на вопрос о научных школах в восточноевропейском книговедении добавим до выше сказанного несколько замечаний характеризующих понятие научных школ в общем. Не нужно здесь ссылаться на обильную науковедческую литературу по этому вопросу. Достаточно, если скажем, что самое основное для формирования и существования научных школ это – по словам крупного польского книговеда Кароля Гломбиовского (Karol

Głombiowski) «продолжительность общности основных мнений и исследовательских методов» [22, 229–230]. До этого: так как во всех школах, также в научных, первостепенную роль играют учителя и ученики, последние превращаются в учителей (мистров) следующих поколений учеников. Следовательно: сущность научной школы – это традиция, преемственность, впрочем неоднократно прекращённая. Научные школы имеют своих основоположников, свои авторитеты, которые влияют на развитие и состояние науки не только объективными результатами исследований, новизной и оригинальностью научной мысли или объёмом и содержанием сочинений, но также моральным обликом, гражданскими заслугами, внеаучными обязанностями. Научная школа часто – но не всегда – связана с каким-либо учреждением – вузом, исследовательским институтом, библиотекой, издательством, музеем. Иногда имеет исключительно виртуальный характер. И ещё одно: понятие (данной) научной школы имеет порой субъективную (убеждения сторонников), порой объективную природу (свидетельства конкретных фактов).

Развитие и современное состояние книговедения в восточной части Европы определяют, как везде и всегда, но здесь – кажется – сильнее, чем в других государствах, история и политика. Эта констатация является одновременно первой предпосылкой формирования на этой территории национальных научных школ, ибо только в рамках общих исторических и политических процессов понятны отдельные библиологические факты, их совокупность и формирование (прогресс и регресс) книжных знаний. Одновременно эволюция книговедения как науки неотделима от господствующей идеологии. Следовательно: учитывая исторические, политические и идеологические рамки существования книговедения обращаем внимание на уровень развития письменности. Подчеркнуть надо – в сокращённом здесь виде – что книговедение как наука имеющая свои собственные задачи – теоретические (познавательные) и практические (прикладные) – своеобразно «обслуживает» мир письменности, вселенную закреплённого в письме слова. Из этого вытекают и его особенности как гуманитарной (общественной) науки.

Характер книговедения, его черты на фоне других общественных наук, а также его специфические признаки в отдельных государствах, в разных эпохах, в различных научных средах тесно связаны с местной традицией, авторитетом выдающихся учёных, преемственностью основных положений, влияющих на научные исследования в течение многих лет.

Зарождение восточноевропейского книговедения как самостоятельной научной дисциплины наступило в начале 19-ого столетия, главным образом на территории Российской империи, хотя нельзя забывать о деятельности некоторых польских, украинских, венгерских, чешских и словацких учёных в тогдашних пределах Австрии и Пруссии (например Ежи Самуэль Бандтке (Jerzy Samuel Bandtkie) во Вроцлаве и Кракове) [37]. Самое важное научное достижение рождающегося в первой половине 19-ого столетия книговедения сочинение Иоахима Лелевеля (Joachim Lelewel) *Две библиографические книги* изданное в Вильнюсе в 1823–1826 гг. [24]. Подчеркнуть надо именно тот вильнюсский феномен, *genius loci*, положительную обстановку для книговедения: вот польский историк, профессор Виленского университета, издает в литовской столице, тогда в государственных пределах России, фундаментальную работу по теории, истории и практике книжного и библиотечного дела, в которой встретились традиции западноевропейской библиографии (библиологии) и собственный опыт автора.

В дальнейшем, однако, книговедение теряет – в какой-то мере – свой универсальный характер, ибо на передний план выступают его национальные задачи и обязанности связаны с национально-освободительном движением во всех странах Восточной Европы. Национальная ретроспективная и текущая библиография, становление национального издательского репертуара и образцовой национальной книги («национальный характер» типографского шрифта и иллюстрации), работа с книгой среди населения, библиотечное строительство, самообразование итд. – главные вопросы тогдашней книжной практики и книговедения как теории книги и книжного дела.

По размерам (научных кадров, исследовательских институтов, выпускаемой литературы) и глубине научной мысли первостепенную роль в регионе играло постоянно российское книговедение (также в рамках СССР) [3; 5; 7; 15; 28]. Важные, влиятельные лица такие как Николай Лисовский, Александр Ловягин, Михаил Щелкунов, Михаил Куфаев, Александр Фомин, Павел Берков и др. дали направление не только российскому книговедению [2; 4; 6; 9; 10; 11; 14; 16]. Относительно свободное развитие книговедения в СССР прекращалось в начале 30-х годов; господствующая идеология и политический террор почти убили науку, которой возрождение наступило только с 50-х гг. [7; 26; 28; 36]. Разумеется, самые близкие связи, подчас отождествление в рамках понятия

«советское книговедение», российская наука о книге имела всегда с украинской. Даже автор новейшей блестящей монографии по истории книговедческой науки в России Наталия Леликова посвящает украинскому книговедению в 20-е и 30-е года отдельную главу (3.3., целых двадцать страниц!) [7]. Добавочные её аргументы: в рамках СССР только книговедческая наука на Украине – как пишет – «заслуживает пристального внимания и изучения», ибо «в других республиках в тот период развивались главным образом практические отрасли книжного дела и отдельные книговедческие дисциплины»; кроме того: «исследователи украинской книги учитывали факты и события, связанные не только с Советской Украиной, но и с теми явлениями украинской книжной культуры (...), которые происходили в других странах (...), где проживали этнические украинцы» [7, 250]. Ставим однако точку над «и»: так было только до начала 30-х годов, до разгрома украинского «буржуазного», писали даже «фашистского», книговедения [13; 30; 36]. Так или иначе: из российской школы книговедения выделяется постепенно в 20-е и 30-е года украинская – со своими авторитетами (Юрий Меженко, Дмитрий Балика, в эмиграции в Чехословакии, в Польше, позже в США Лев Быковский), с частично своеобразным понятийным аппаратом и терминологией, своими институтами (УНИК = Украинский научный институт книговедения, журнал «Бібліологічні вісті») [1; 8; 25; 30; 36].

Но какая при этом ситуация польского книговедения в то-же время? Длинная собственная традиция исследований книги в Польше уже в 19-ого столетии принесла плоды в виде попыток стройки общего книговедения, его теории, структуры и методологии. Не только Иоахим Лелевель и Александр Богаткевич (Aleksander Bohatkiewicz, Aleksandras Bohatkiewiczzius), которых основные теоретические труды по библиографии-библиологии не так давно заботливо изданы в литовском переводе [19], но прежде всего Кароль Эстрейхер (Karol Estreicher), преподаватель библиографии в Варшавском университете в 60-е гг. 19-ого столетия, создатель польской национальной ретроспективной библиографии, подготовили фундаменты для дальнейшего развития книговедения в Польше [18]. Всё таки становление книговедения как отдельной научной дисциплины наступило в Польше позже. Ключевое значение имели в этом отношении две – мало известные сегодня – работы: опубликованная Мечиславом Руликовским (Mieczysław Rulikowski) его лекция о объёме и задачах книговедения прочитанная 4 октября 1916 г. на Гуманитарном факультете Высших научных курсов

в Варшаве [34; 35] и монография Стефана Вртеля-Верчинского (Stefan Vrtel-Wierczyński) по теории библиографии (1923), в новом виде издана после войны (1951) [29; 38; 39].

Потом следует целая плеяда авторов и текстов, которые – исходя из разных научных традиций и позиций – строят книговедение как науку (Адам Лысаковский (Adam Łysakowski), Ян Мушковский (Jan Muszkowski), Ян Станислав Быстронь (Jan Stanisław Bystroń), Казимеж Добровольский (Kazimierz Dobrowolski) и др.) [17; 20; 27; 31; 32]. Характерной чертой польского книговедения этого периода стало социологическое направление; о работе Я. Мушковского *Жизнь книги* (1936) видный авторитет польского книго- и библиотековедения Елена Венцковская написала много лет позже, что она является первой в польской библиологической литературе попыткой систематизации совокупности вопросов, связанных с книгой во всех очередных фазах производства, распространения и пользования [40]. Именно, эта линия развития книговедения даст в будущем, во второй половине XX века, так называемое функциональное книговедение [23].

Очень важное для этого направления – применение социологических и функциональных понятий в исследовании истории книги и книжного дела, главным образом благодаря работам Казимежа Пекарского (Kazimierz Piekarski), среди которых особое внимание заслуживает небольшой текст о книге в Польше XV и XVI веков (1932) [33]. Отсюда типичны и сегодня для польской школы книговедения: (1) тесные связи с другими научными дисциплинами, (2) развитие теории книги и книжного дела, (3) работы по истории чтения и читателя. Можно согласиться с Наталией Леликовой, которая пишет: «В их [т.е. польских теоретиков книговедения] концепциях отчетливее, чем у учёных других стран, представлен культурологический аспект науки о книге» [7, 191–192].

Свои научные школы начали строить в междувоенное время, главным образом в области библиографии и истории книги, также книговеды Белоруси, Литвы, Латвии и Эстонии, Болгарии, Румынии. Полувековой перерыв государственной независимости балтийских стран («советской Прибалтики») счастливо не обозначал полное поражение книговедческих исследований. Отметим не только широкий круг исследуемых вопросов по истории и практике национального книжного дела, но также положительное влияние общих, мировых теоретических концепций книговедения как науки.

Решающее значение для развития современного книговедения в целом, а также отдельных национальных научных школ, имело создание и возрождение после первой мировой войны независимых государств в восточной Европе. В 20-е и 30-е года XX столетия произошло во всех почти странах Восточной Европы становление книговедения как (относительно) самостоятельной науки: появились обоснованные теоретическо-методологические модели дисциплины, развивались «широким фронтом» исследования по истории книги и книжного дела, постепенно результаты книговедческих исследований входили в общее достояние гуманитарных наук. Во временных пределах нашей конференции (1918–1945) уже все страны восточной Европы имели «своё книговедение», неоднократно во многим отличающиеся друг от друга.

На основе фактического материала, здесь не цитированного в полном виде, можем рискнуть суждение, что до Второй мировой войны в восточной Европе сформировались бесспорно только российская, украинская и польская национальные школы книговедения. В других государствах возникли только – иногда существенные – предпосылки для формирования таких школ. Из истории книговедческих исследований в России, на Украине (в пределах СССР, и в эмиграции) и в Польше вытекает, что там возшёл целый «книговедческий лес», в то время как в других странах только отдельные «деревя и кусты». Лишь в дальнейшем дали они основу для возрождения после войны, и потом быстрого развития книговедения с начала 90-х годов XX столетия. Примеры Литвы и Эстонии довольно яркие.

Таким образом – какие важнейшие достижения национальных научных школ в области книговедения в 20–30-е гг. XX столетия? Кажется, что прежде всего следующие:

- 1) уточнение теоретических основ книговедения – его предмета, структуры, терминологии, объёма,
- 2) развитие и обоснование частичных (специальных) книговедческих дисциплин (например, истории книги, истории печатного дела, искусства книги),
- 3) решение вопроса о соотношениях «книговедение – библиография» и «книговедение – библиотековедение»,
- 4) определение взаимосвязей книговедения и других научных дисциплин (литературоведение, культурология и др.),

- 5) формирование своеобразно автономных (суб)дисциплин и научных направлений возникающих на пересечении книговедения и других наук – библиопсихологии, библиопедагогике, библиосоциологии итд.,
- 6) о зрелости книговедения свидетельствует богатая научная жизнь: наличие специальных учреждений (институты, научные общества, музеи, кафедры в вузах), конференции и дискуссии, подготовка капитальных трудов из разных областей книжного знания, в том числе библиографий [12; 26], многие научные журналы по книговедению,
- 7) первые, несмелые шаги в организации международного сотрудничества в области книговедения, например польские книговеды и чешский учёный Ладислав Ян Живный (Ladislav Jan Živný) [41], круг контактов киевского УНИК-а, пражский журнал «Slovanská knihoveda» (1931–1947) итд.

К каким выводам можно прийти на основе выше сказанного? Прежде всего возникает ряд вопросов: Составляет ли восточноевропейское книговедение единое целое? С какой точки зрения? При каких условиях? Чем отличается оно от книговедения других регионов мира? Правильно ли поставлен вопрос о национальных научных школах в книговедении? Как раскрыть и определить взаимоотношения научных концепций из разных стран, их восприятие и внедрение? Некоторые направления видные и яркие: например, линия Лисовский → Меженко → Быковский, или Живный → украинские и польские книговеды, или Лисовский и Ловягин → Руликовский и Вртель-Верчинский и др., но много остается туманным и требует дальнейших исследований.

Где начинается и где завершается своеобразие отдельных национальных научных школ в восточноевропейском книговедении? Одно кажется по крайней мере уверенным: пользуясь исследовательской категорией национальных научных школ будем в состоянии обогатить в значительной степени историю и современное положение науки о книге благодаря выдвинутым фундаментальным вопросам и доказательствам, благодаря раскрытию общих черт книговедения в масштабе нескольких государств, связанных историей, политикой, религией.

Вот именно: общий взгляд на традицию восточноевропейского книговедения, специально на 20-30-е годы, разрешает сформулировать следующие тезисы:

- 1) библиологическая проблематика существует в рамках национальной истории и современной национальной культуры (не без контекста мировой истории и культуры),

- 2) притягивает внимание теория книги как инструмента общественной коммуникации и фактора культуры,
- 3) возникают многие теоретические модели науки о книге,
- 4) интенсивно идёт работа по истории книжной культуры,
- 5) книговедческие исследования разным способом связаны с другими научными дисциплинами,
- 6) книговедческая теория и история помогает строить современную систему книги и книжного дела.

Такие – на мой взгляд – особенности книговедения в странах Восточной Европы как в определённом целом. Дифференциация начинается в рамках отдельных государств и на уровне отдельных научных сред.

Вручено в апреле 2007 г.

ССЫЛКИ

1. БАЛИКА, Дмитрий Андреевич. Библиологическая социология: Определение, предмет, методы. *Советская библиография*, 1933, вып. 1–3, с. 39–69.
2. БАРЕНБАУМ, Иосиф Евсеевич. Н.М. Лисовский и становление книговедения в России. *Книга*, 1995, № 70, с. 41–51.
3. БЕЛОВИЦКАЯ, Алиса Александровна. *Общее книговедение*. Москва: Книга, 1987.
4. БЕРКОВ, Павел Наумович. *Избранное: Труды по книговедению и библиографоведению*. Москва: Книга, 1978.
5. ЗДОБНОВ, Николай Васильевич. *Синхронистические таблицы русской библиографии 1700–1928 со списком важнейших библиографических трудов*. Москва, 1962.
6. КУФАЕВ, Михаил Николаевич. *Избранное: Труды по книговедению и библиографоведению*. Москва: Книга, 1981.
7. ЛЕЛИКОВА, Наталия Константиновна. *Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века*. Санкт-Петербург, 2004. ISBN 5-8192-0190-6
8. ЛЕЛИКОВА, Наталия Константиновна. «Мой Бог – украинская книга независимо от направлений и партий...»: (К 100-летию со дня рождения Льва Быковского). *Историко-библиографические исследования*. Санкт-Петербург, 1996, Вып. 6. с. 148–174.
9. ЛИСОВСКИЙ, Николай Михайлович. Книговедение, его предмет и задачи. In *Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А.И. Малеина*. Петербург: Государственное издательство, 1922, с. 5–21.
10. ЛОВЯГИН, Александр Михайлович. *Основы книговедения*. Ленинград: Начатки знаний, 1926.
11. МАТВЕЕВА, Ирина Германовна. А.М. Ловягин – создатель и президент Русского библиологического общества. *Историко-библиографические исследования*. Санкт-Петербург, 1992, Вып. 2. с. 59–75.
12. МЕЗЬЕР, Августа Владимировна. *Словарный указатель по книговедению*. Т. 1–4. Ленинград, 1924–1934.

13. Український науково-дослідчий Інститут книгознавства. Наукові записки. Т. 1: *Проти буржуазних теорій у книгознавстві*. Київ, 1933.
14. ФОМИН, Александр Григорьевич. *Избранное*. Москва: Книга, 1975.
15. ШАМУРИН, Евгений Иванович. Книговедение, теория и история библиографии в советской литературе 1917–1958. In МАСАНОВ, Юрий Иванович. *Теория и практика библиографии*: Указатель литературы, 1917–1958. Москва, 1960, с. 3–36.
16. ЩЕЛКУНОВ, М.И. *История, техника, искусство книгопечатания*. Москва; Ленинград, 1926.
17. BIENKOWSKI, Wiesław. Kazimierz Dobrowolski jako badacz książki. *Rocznik Biblioteki Polskiej Akademii Nauk w Krakowie*, 1996, vol. 41, p. 223–238.
18. BIERNACKA, Maria Magdalena. *Wykłady Karola Estreichera w Szkole Głównej w Warszawie 1865–1868*: Studium bibliologiczne. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1989. 247 p. ISBN 83-7009-024-9
19. ВОНАТКIEWICZIUS, Aleksandras Viktoras. *Veikalas apie visuotinę bibliografiją*. Parengė Alma Braziūnienė, Aušra Navickienė, Sonda Rankelienė. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2004. 270 p. ISBN 9986-19-658-2
20. BYSTROŃ, Jan Stanisław. *Człowiek i książka*. Warszawa, 1916. 3ed. 2003.
21. ESTIVALS, Robert (dir.). *Les science de l'écrit*: L'encyclopédie internationale de bibliologie. Paris: Retz, 1993. 576 p.
22. GŁOMBIEWSKI, Karol. Moja droga ku nauce o książce. *Gdańskie Zeszyty Humanistyczne*. 1987, vol. 26, nr. 30, p. 217–234.
23. GŁOMBIEWSKI, Karol. O funkcjonalną koncepcję nauki o książce. *Studia o Książce*. 1970, vol. 1, p. 5–24.
24. LELEWEL, Joachim. *Bibliograficznych ksiąg dwoje*. Vol. 1–2. Wilno, 1823–1826 (reprint Warszawa 1927, 1980).
25. MIGOŃ, Krzysztof. Leon Bykowski (1895–1992) – ukraiński bibliolog i polski bibliotekarz. *Roczniki Biblioteczne*. 2003, vol. 47, p. 155–168.
26. MIGOŃ, Krzysztof. Bibliografia pod presją ideologii: Augusta Mézières i jej „Słownaryj ukazatiel po knigowiedieniju”. In *W kręgu książki, biblioteki i informacji naukowej*: Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Zbigniewowi Żmigrodzkiemu. Katowice, 2004, p. 193–207.
27. MIGOŃ, Krzysztof. Centralne kategorie bibliologii Adama Łysakowskiego. In *Adam Łysakowski bibliotekarz, bibliograf, bibliolog*: Materiały z Sesji Jubileuszowej, Warszawa, 10 września 2002. Warszawa, 2003, p. 43–52 (Biblioteka Narodowa. Prace Instytutu Bibliograficznego. Nr. 39).
28. MIGOŃ, Krzysztof. Rosyjska szkoła nauki o książce. In *Wspólnota pamięci*. Studia z dziejów kultury ziem wschodnich dawnej Rzeczypospolitej. Katowice: Biblioteka Śląska, 2006, p. 65–77.
29. MIGOŃ, Krzysztof. Stefana Vrtela-Wierczyńskiego koncepcja bibliologii. *Roczniki Biblioteczne*, 1984, vol. 28, p. 3–13.
30. MIGOŃ, Krzysztof. Księgoznawstwo ukraińskie w dwudziestoleciu międzywojennym. *Studia o Książce*. 1970, vol. 1, p. 25–41.
31. MUSZKOWSKI, Jan. Wstęp do socjologii książki. *Studia o Książce*, 1973, vol. 3, p. 89–152.
32. MUSZKOWSKI, Jan. *Życie książki*. Warszawa, 1936. 2d ed. Kraków, 1951.
33. PIEKARSKI, Kazimierz. Książka w Polsce XV i XVI w. In *Kultura staropolska*. Kraków, 1932, p. 352–384.
34. RULIKOWSKI, Mieczysław. *Księgoznawstwo*: Przeszłość oraz stan obecny wiedzy o książce i nowe w niej kierunki. Warszawa, 1935.
35. RULIKOWSKI, Mieczysław. *Zakres i zadania księgoznawstwa*. Warszawa, 1916.
36. SHTOHRYN, Dmytro M. The Rise and Fall of Book Studies in Ukraine. In CHOLDIN, Marianna Tax (ed.). *Books, libraries and information in Slavic and East European studies*. Proceedings of the Second International Conference of Slavic librarians and information specialists. New York, 1986, p. 17–27.
37. TRAWIŃSKA-SŁABĘCKA, Danuta. Wkład Jerzego Samuela Bandtkiego do nauki o książce. *Roczniki Biblioteczne*, 1974, vol. 18, 1–2, p. 631–657.

38. VRTEL-WIERCZYŃSKI, Stefan. *Teoria bibliografii w zarysie*. Wrocław, 1951.
39. VRTEL-WIERCZYŃSKI, Stefan. *Bibliografia, jej istota, przedmiot i początki*. Lwów, 1923.
40. WIĘCKOWSKA, Helena. *Akademickie kształcenie bibliotekarzy: zarys historyczny*. Warszawa, 1979.
41. ŽIVNÝ, Władysław Jan. *Bibliografia i bibliologia: Pojęcie, przedmiot, rozwój*. Warszawa; Wilno, 1936.

THE SPECIFICITY OF BOOK SCIENCE IN EASTERN EUROPE AND FORMATION OF NATIONAL RESEARCH SCHOOLS TILL WORLD WAR II

KRZYSZTOF MIGOŃ

Abstract

The appearance of book science as an autonomous discipline of science can be traced back in Eastern Europe to the beginnings of the 19th century. It was evolving from bibliography, history of literature, editorial, bookselling and library activities and practice, and from educational needs. Its further growth has been enhanced by the rapid increase of book world, institutional and professional developments in book culture, and realization of a multitude of benefits arising from bibliological studies. The latter could have been identified in the field of science, development of ideas, social and political relations.

Initially, theoretical background of East European bibliography was influenced by Western European concepts, particularly French and German. Afterwards, however, original concepts and specific approaches to book science have been developed in Poland, Russia, and Ukraine, followed by other countries.

There has been a significant degree of unification observed in views and thoughts about book and book science, resultant from the largely common past of book culture in Eastern Europe, shared historical experience, political, language and religious situation, and fairly continuous exchange of scientific ideas. Nevertheless, local circumstances related to dissimilar traditions in book studies, variable influence of ideology and politics, uneven potential of scientific communities, and uneven recognition of the discipline in different countries, have left their clear imprint too. Their result is the variety of research paradigms, different focus points in book studies, and the development of various research schools, some of them specific for certain countries.

The notion of 'national research schools', present in the science about science, was introduced by Robert Estivals, who wrote in the encyclopaedia *Les sciences de l'écrit* (1993): "The French school of bibliography is undoubtedly one the most important schools, besides the Belgian, Polish, Russian, and Swiss one. They are so much unlike the Anglo-saxon school, which tends to bring bibliography and bibliology together, that one may speak about the continental European bibliological school, different from English and North American concepts". The essence of a national research school usually shows through a larger number of variables considered, convincing facts and evidence, but it also involves a certain degree of subjectivity, so that proper explanation is only achieved after considering opinions and emotions as well. In addition, the perception of research schools varies depending on the observer, whether from inside, through the eyes of representatives or supporters, or from outside. In the former case, there is a trend towards emphasizing differences in fundamental views about a given discipline or research direction. Consequently, different criteria of school identification are used (e.g. narrower

subjects, influential persons or institutions), and the number of schools appears to grow. In the latter, though, a trend towards generalization and synthesis at broader spatial and temporal scales prevails.

Breakthrough events in the development of national research schools in Eastern Europe include the origin and re-establishment of independent states after the World War I (Lithuania, Latvia, Estonia, Poland, Czechoslovakia), and later the collapse of Soviet Union in 1991, when Baltic states, Byelorussia and Ukraine have become independent, and substantial political and social changes occurred in all countries formerly belonging to the communist block. The characteristic features of book science in Eastern European countries – before and later after the World War II – appear to include the following:

1. focus on the history and present-day of own national cultures as a part of a wider framework of bibliological studies;
2. intensive theoretical research on book as a means of communication and as a cultural factor;
3. construction of numerous theoretical and methodological models of bibliography;
4. extensive development of historical studies, focused on the history of book culture;
5. close links between bibliological studies and other disciplines;
6. application of bibliological theory and history in the shaping of contemporary book system.

RYTŲ EUROPOS KNYGOTYROS BRUOŽAI IR NACIONALINIŲ MOKYKLŲ KŪRIMASIS PRIEŠ ANTRĄJĄ PASAULINĮ KARĄ

KRZYSZTOF MIGOŃ

Santrauka

Knygotyra kaip savarankiška mokslo disciplina Rytų Europoje pasirodė XIX amžiaus pradžioje. Ji rutuliojosi iš bibliografijos, literatūros istorijos, redaktorių, knygų prekiautojų bei bibliotekų patirties ir tenkino švietimo poreikius. Tolesnį jos augimą spartino knygų pasaulio plėtra, knygos kultūros institucinis ir profesinis augimas, bibliologinių studijų įvairiopos naudos supratimas. Pastaroji siejosi su mokslo, idėjų raidos, socialinių ir politinių santykių sritimis.

Iš pradžių teoriniai Rytų Europos knygotyros pagrindai rėmėsi Vakarų Europoje, ypač Prancūzijoje ir Vokietijoje, gyvavusiomis koncepcijomis. Tačiau vėliau Lenkijoje, Rusijoje ir Ukrainoje, o netrukus ir kitose šalyse atsirado originalios knygotyros koncepcijos ir specialūs tyrimo metodai.

Kadangi Rytų Europos knygos kultūra daugiausia buvo bendras paveldas, taip pat dėl bendros istorinės ir kalbinės patirties, religinės situacijos ir gana pastovių mokslo idėjų mainų visoms šio regiono šalims būdingas tam tikras knygos ir knygotyros mokslo idėjų bendrumas. Vis dėlto vietinės sąlygos, skirtingos knygos studijų tradicijos, nevienoda ideologijos ir politikos įtaka, mokslo bendruomenių potencialo netolygumas ir disciplinos pripažinimo laipsnis taip pat paliko aiškų pėdsaką. Dėl to atsirado įvairios tyrimų paradigmos, skirtingi knygotyros tyrimų aspektai, išsiplėtojo nemaža mokslo mokyklų.

Robert'as Estivals'is į mokslotyrą įtraukė nacionalinių mokslo mokyklų sąvoką. Enciklopedijoje *Les sciences de l'écrit* (1993) jis rašė: „Prancūziškoji bibliologijos mokykla šalia belgiškosios, lenkiškosios ir šveicariškosios yra, be abejo, pati svarbiausia. Jos labai nepanašios į anglų saksų mokyklą, kuriai būdinga sulieti bibliografiją ir bibliologiją, tad galima kalbėti apie kontinentinę bibliologijos mokyklą,

skirtingą nuo Anglijos ir Šiaurės Amerikos koncepcijų“. Nacionalinių mokyklų esmė dažniausiai išryškėja iš daugelio akivaizdžių požymių, įtikinamų faktų ir liudijimų, tačiau išskiriant mokyklas pasireiškia ir tam tikras subjektyvumas. Taigi tik pasvėrus nuostatas ir nusiteikimus, suformuluojami tam tikri apibrėžimai. Be to, mokslo mokyklų suvokimas skiriasi pagal stebėtojo padėtį – ar jis stebi mokyklą iš vidaus kaip jos atstovas ir gynėjas, ar iš išorės. Pirmuoju atveju linkstama pabrėžti fundamentalių tam tikros disciplinos ar tyrimų krypties sampratų skirtumus. Dėl to mokykloms identifikuoti naudojami skirtingi kriterijai (pavyzdžiui, siauros temos, įtakingi asmenys ar institucijos) ir atrodo, kad mokyklų daugėja. Antruoju atveju vyrauja apibendrinimo, platesnio erdvinio ir chronologinio masto sintezės tendencijos.

Rytų Europos nacionalinių mokslo mokyklų plėtros proveržis įvyko po Pirmojo pasaulinio karo, kai susikūrė (ar atsikūrė) nepriklausomos valstybės (Lietuva, Latvija, Estija, Lenkija, Čekoslovakija), ir sugriuvus Sovietų Sąjungai, kai 1991 m. Baltijos valstybės, Baltarusija ir Ukraina tapo nepriklausomos. Tuo laikotarpiu visose buvusio komunistinio bloko šalyse įvyko esminių politinių ir socialinių pokyčių. Prieš Antrąjį pasaulinį karą ir po jo Rytų Europos šalių knygotyra apibūdina šie bruožai: dėmesys telkiamas į savo nacionalinės kultūros istoriją ir dabartį, kaip platesnių bibliologinių studijų sudedamąją dalį; intensyvus teorinis knygos kaip komunikacijos priemonės ir kultūros veiksnio, tyrimas; konstruojama daug ir įvairių teorinių ir metodologinių bibliologijos modelių; atliekami platūs istoriniai knygos kultūros istorijos tyrimai; mezgami glaudūs ryšiai tarp bibliologijos studijų ir kitų disciplinų, bibliologijos teorija ir istorija taikoma formuojant šiuolaikinę knygos sistemą.